

ни только для того, чтобы мы ушли совсем. Лес рубят — щепки летят. Мы сделали столько, сколько смогли...» Этой трагедийностью и был вызван к жизни роман «Как закалялась сталь».

Уже после публикации 1-й части романа О. оказывается в центре лит., общественной жизни, к нему идут потоки откликов, писем читателей; его речи, записанные на радио, слушала вся страна. В 1934 О. принимает участие в дискуссии о языке (статья «**За чистоту языка**»); большинство его публицистических выступлений связано с вопросами воспитания молодежи, с собственной творческой работой («**Нужно заинтересовать молодежь**», «**Счастье писателя**», «**Мужество рождается в борьбе**», «**Мой творческий отчет**» и др.).

Летом 1934 О. делает первые наброски к новому роману — «**Рожденные бурей**» — о событиях, связанных с польской интервенцией на Украине в годы Гражданской войны: «Мой новый роман будет антифашистским, это политический роман...» (в письме А. А. Жигиревой от 23 нояб. 1934). 1-й том романа был завершён к концу 1936, в нояб. 1936 состоялось его обсуждение в СП.

Параллельно с работой над романом «Рожденные бурей» О. вел доработку некоторых страниц романа «Как закалялась сталь», принимал участие в подготовке сценария по роману (роман «Как закалялась сталь» неоднократно экранизировался; спектакли по роману шли во мн. театрах страны).

В мае 1936 в дар от правительства Украины О. получает дом в г. Сочи, где, работая над романом «Рожденные бурей», продолжает лечение.

В авг. 1936 О. посетил французский писатель Андре Жид, который затем в своей книге «Возвращение из России» подчеркнул жертвенность судьбы О., изобразил О. как «душу, лишённую почти всякой связи с внешним миром и не находящую ни в чем себе опоры» (см. об этом: Трегуб С.— С. 235). Это принесло большое огорчение О., вызвало его резкий протест (в письме матери от 14 дек. 1936: «Я тяжело пережил это предательство, потому что искренно поверил в его слова, слезы...»).

В окт. 1936 О. возвращается из Сочи в Москву, состояние здоровья непоправимо ухудшается. За неделю до кончины О. послал матери в Сочи слова надежды: «Зимние месяцы пройдут скоро, и вместе с весной я опять вернусь к тебе». О. скончался за несколько дней до наступления 1937. В день похорон вышло 1-е изд. романа «Рожденные бурей».

Соч.: СС: в 3 т. / предисл. В. Озерова. М., 1974–75.

Лит.: Островская Е., Лазарева А. Николай Островский: Биографический очерк. Краснодар, 1964; Нико-

лай Островский: Фотографии. Документы. Иллюстрации. М., 1964; Воспоминания о Николае Островском. М., 1974; Литвинов В. Талант и мужество: О художественных особенностях романа Н. Островского «Как закалялась сталь»: книга для учащихся. М., 1983; Трегуб С. Жизнь и творчество Николая Островского. 3-е изд. М., 1984; Грознова Н. А. Счастье борца: О романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь»: книга для учителя. 2-е изд. М., 1988; Островская Р. Николай Островский. 5-е изд. М., 1988. (ЖЗЛ); Аннинский Л. «Как закалялась сталь» Николая Островского. 3-е изд. М., 1988.

Н. А. Грознова

ОХАПКИН Олег Александрович [12.10.1944, Ленинград] — поэт, переводчик.

Из крестьян. Воспитывался в строго православной семье. Окончил 7-летнюю школу и ремесленное училище, где получил специальность маляра-альфрейщика. В юности пел в хоре Александро-Невской лавры, учился в музыкальном училище им. Мусоргского на вокальном отделении. Работал на новостройках Ленинграда, в геологической партии в Заполярье, библиотекарем Публичной библиотеки, осветителем и статистом в Малом оперном театре, а также зарабатывал на жизнь и др. случайными профессиями, в частности, был истопником. Упорно занимался самообразованием. В 1970-е входил в редколлегию религиозно-философского ж. «Община». 16 апр. 1976 организовал у себя дома первый в СССР Гумилевский симпозиум.

Стихи начал писать с детства, однако, принадлежа к поэтам ленинградского андеграунд-

О. А. Охепкин

да, печатался поначалу только в самиздатовских ж. В июне 1965 произошла встреча с тем, что освободившимся из ссылки И. Бродским. Избежать подобной участи «тунеядствующего» поэта удалось лишь благодаря участию В. Пановой и ее мужа Д. Дара, способствовавшим его принятию в профком литераторов при СП (к тому же он становится личным секретарем обоих писателей). Первые значительные публикации — за рубежом: альм. «Аполлон-77» и «Каталог Шемякина». В СССР — около десятка стих. в ж. «Нева», «Аврора», «Звезда» (1970-е) и подборка в альм. «Круг» (1985). Первая книга — **«Стихи»** (Париж, 1989), вторая — **«Пылающая купина»** (Л., 1990). В янв. 1992 был принят в члены СП.

Автор философско-медитативной и пейзажной (преимущественно городской) лирики.

Хотя стихи О. «прелестны, просты, прозрачны. И — тяжелы, прекрасны, органичного звучания» (Топоров В.— С. 386), его худож. мир, по утверждению др. автора, тем не менее характеризуется «противоречивостью и многоплановостью» (Казак В. Лексикон русской литературы XX в. М., 1996. С. 300). С наибольшей определенностью в нем выступают две доминанты: «Помню, как взволновало это меня еще четверть века назад: два крыла и сегодня надежно поднимают с земли и держат в воздухе его поэзию — Россия и Бог» (Кушнер А.— С. 27) По поводу поэмы **«Возвращение Одиссея»**, давшей название третьей книге поэта (1994), исследователь писал: «Христианская идея переживается Охепкиным как идея, обнаруживаемая во все времена, в том числе и до рождения Христа. Книга названа по имени языческого героя принципиально, небо никогда не было пусто, и Одиссей создан по образу и подобию Божию. Этнографическая родина конечна, также как конечна здесь на земле конкретная человеческая жизнь. Всякое возвращение на нее столь же желанно, сколь и обманчиво <...> Ибо истинное возвращение — это возвращение к Богу. Античный герой Охепкина испытывается всеми мировыми пучинами, чтобы сказать то, что пристало сказать библейскому Ионе: „С нами Бог“. И это не анахронизм, а полнота христианского миропонимания, как ее выражает в этой книге поэт» (Арьев А.— С. 5, 6). «В поэтической религиозности Охепкина отмечаются свойственная ей актуальность, связь о современностью, а также ее основополагающее влияние на все стороны человеческой жизни: О. всегда оценивает поступки людей исходя из принципов нравственного абсолюта, Божественного начала, которое и выражено совестью человека» (Казак. В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996. С. 300).

Что касается изображения и разрешения конфликтных ситуаций (как исторического, так и духовно-этического характера), представленных в разных сюжетах той же самой книги «Возвращение Одиссея», то исследователь обнаруживает: «Не Восток с Западом сошлись у поэта в непримиримой схватке, но Восток с Востоком же. Используя популярное сравнение Владимира Соловьева, можно сказать: Восток Христа борется у Охепкина с Востоком Ксеркса. И сама русская история бессмысленна у поэта вне контекста библейских пророчеств.

Над родными лугами, полями и весями горит у Охепкина на все времена одна звезда — Вифлеема. Из чего не следует, конечно, что красота звездного неба ею одной и исчерпывается» (Арьев А.— С. 6).

О. присуща способность путем погружения в мир собственной души сливаться с неким первозданным бытием, освобождающим, извещающим поэта от «людской лжи» и «дневного кошмара» (**«Ночное дыхание»**, **«Глухие голоса»**, **«Когда поэт не помнит боль...»**). С этим сопряжено отчасти и столь близкое восприятие, ощущение космоса (**«Дремучий космос космы в город свесил»**), а также нередкое переключение лирической функции с субъекта на объект: «Мы шли по городу сквозь сон. / Фонтанка, помню, за плечами» / Нас фонари впотьмах сличали / И встречной лужи взгляд косою». Находит в них свое выражение и тютчевская тема невозможности высказать словом сокровенный мир души, тема благодетельного молчания (**«Воплощение»**, **«Голубая луна»** и др.).

По поводу поэтических влияний и традиций: «Олег переболел Пастернаком, переболел Заболоцким (не ранним, периода „Столбцов“, а Заболоцким тридцатых годов), переболел Бродским, он повел две линии — державинскую и батюшковскую <...> и вышел туда, где ему стало легче дышать стихом. Туда, где только стихом и можно дышать» (Топоров В.— С. 386). Помимо «громогласного строя державинской оды», «смягченного последующим сладкогласием элегий Батюшкова», отмечается также «древнейшая и мощная традиция православной храмовой службы. Церковные гимны, акафисты, псалмы — все это впитывалось юным поэтом вместе со сладким молоком его лирической кормилицы, с молоком русской классической поэзии» (Арьев А.— С. 6). В итоге: «Стихи самиздатского (опять же!) поэта Олега Охепкина один из самых строгих неоклассицистических путей, каким идут некоторые из новых поэтов. На фоне разрушения стиха, распада музыки Охепкин в первых своих опытах пытался вернуть русский стих к „до-

классическому периоду": когда в моду лез самозванец-верлибр, Охапкин хотел возродить силлабику!» (Бетаки В.— С. 231).

Поэзии О. «свойственны повествовательность, раздумчивость» (Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996. С. 300). С этим «замедленным» тоном гармонирует и обилие насыщающих ее архаизмов: «Всеблагодатен огонь Творца», «Нужна премногая любовь», «Встречь Духа Божьего возжег», «Всей плоти моя», «Последняя зане жизнеобязнь»; лексически: «сей», «тщась», «бысть», «емлю» и т. д.

Особенная новизна и свежесть стихов О. заключается «в том, что чем строже внешний их вид, тем более неожиданны образы: „Но есть надежда, что поэт / Распашет плоть свою, как почву, / И передаст ее, как почту, / Творцу, оставив свой скелет / Некошеной траве во славу, / Дождям и ветру на забаву, / Так и не вымолвив секрет“ <...> Само сочетание слов „Творец“ и „почта“ — их несовместимость — огниво и кремень!» (Бетаки В.— С. 231). По наблюдению этого же исследователя, принцип контрастности играет в поэзии О. вообще значительную роль. Это контраст между крайней количественной ограниченностью рифм («сверхскованная рама») и энергией метафор, под напором которой эта «рама», можно сказать, «взрывается», контраст между высоким стилем и жаргонной лексикой, контраст между образами Эллады и «болота», с помощью которых воссоздается поэтом облик Петербурга: «За надрывную муку орфических струн / Заклинаю тебя, фальконетов бурн: / Вознеси мою душу превыше коня, / Или призрачный всадник раздавит меня!» «Само понятие призрачности рядом с „раздавит“ — контраст невыносимый! Но он и дает стереоскопическое восприятие стиха» (Там же. С. 232). Подводя итог своим наблюдениям, автор обобщает: «Поэт контрастной мысли, совсем неклассической метафоры при классической музыке, Охапкин эту свою двойственность выразил в стихотворении „Сфинкс“. Сфинкс — символ неразрешимой борьбы между двумя началами в каждом человеке <...> Контрастность во всем — вот облик этого поэта, сказавшего о себе так: „Азиец, славянин, отчасти финн, варяг... / Олег от имянин и от богатства — наг, / Так от природы гол, как все вокруг, увы, / По матушке сокол, по отчеству — с Невы“» (Там же. С. 231–232).

Обладая столь богатыми, разнообразными средствами выражения, О. в своих интерпретациях образов мировой поэзии умеет в отдельных случаях достигать подлинного уровня их оригинала: «О, песнь моя! Завихренная роза! / Ты — выдох вся, и тут же долгий вздох. /

Вся — воздух, трепет вся, простоволоса. / Тебя вдохнул в меня никто как Бог. / Дыши во мне, душа, о, Суламита! / Пьяни и преизлейся через край! / Вся плоть моя, вся жизнь тебе открыта, / Лишь этой розой надышаться дай! <...> Я — твой певец, хвала твоя, певец, / Хвала твоя, и эта аллилуйя / — Лишь ты сама во власти поцелуя, / И в нас поет незримый нам Творец» («Семь песен единой песни», 1973).

Соч.: Стихи. Париж, 1989; Плающая купина. Л., 1990; Возвращение Одиссея. СПб., 1994; Ночное дыхание. Глухие голоса. В мире непогода... и др. // Поздние петербуржцы. Поэтическая антология. СПб., 1995; Письма к К. Кузминскому // У голубой лагуны: Антология новейшей русской поэзии: в 5 т. НьютонВилл, 1983, Т. 2А; Моление о чаше. СПб., 2004.

Лит.: Кузминский К. Олег Охапкин // У голубой лагуны: Антология новейшей русской поэзии: в 5 т. НьютонВилл, 1983. Т. 2А; Бетаки В. Гармония контрастов // Бетаки В. Русская поэзия за 30 лет 1956–1986. Antiquary, 1987; Кучерявкин В. [Предисл.] // Охапкин О. Плающая купина. Л., 1990; Кушнер А. Незримый свет // Новый ж. Л., 1991. № 4; Стратановский С. Религиозные мотивы в совр. русской поэзии // Волга. 1993. № 6; Арьев А. Шагнув из темноты // Охапкин О. Возвращение Одиссея. СПб., 1994; Топоров В. [Очерк-эссе об Охапкине] // Поздние петербуржцы. Поэтическая антология. СПб., 1995; Мартынов И. [Рец.] // Новый ж. Нью-Йорк. 1995. Кн. 201.

А. И. Михайлов

ОЦУП Николай Авдеевич [23.10(4.11). 1894, Царское Село — 28.12.1958, Париж] — поэт, литературовед, мемуарист.

О.— потомок испанских или португальских евреев, носивших фамилию Лопес или Лопец. Отец поэта, в молодости принявший православие, служил секретарем заводчика Шмидиа в Петербурге. Трое двоюродных братьев О.— Александр, Иосиф и Петр — известные фотографы. Разнобой с ударением в фамилии (Оцуп и Оцүп) вызван тем, что в эмиграции, приняв французское подданство, поэт и фамилию свою стал произносить «на французский лад» — с акцентом на последний слог.

О. учился в Царскосельской гимназии, связанной в истории русской лит-ры в первую очередь с двумя именами: ее директора И. Анненского и закончившего ее Н. Гумилева. Любопытно, что старшеклассник О. будет приглашен репетитором в семью Хмара-Барщевских, родственников Анненского, а позднее судьба сведет его и с Гумилевым.

Окончив гимназию в 1913 с золотой медалью, О. уезжает в Париж, где слушает в Коллеж де Франс лекции Анри Бергсона. В связи с объявлением войны он возвращается в Пе-